

КРЖИЖАНОВСКАЯ А. Д. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

КРЖИЖАНОВСКАЯ Александра Дмитриевна, родилась в 1890-х. Окончила историко-филологический факультет Высших женских курсов. Вышла замуж, в семье — трое детей. Проживала с семьей в Харькове, с 1920 — официально безработная, на биржу труда не приняли, так как не было трудового стажа, подрабатывала заказами швеей на дому. В 1928 — после осуждения мужа и конфискации части имущества оформила патент швеи. В сентябре 1928 — потеряла мужа; в октябре 1928 — обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

«6/Х-28 г<ода>».

Многоуважаемая Екатерина Павловна.

Пишу Вам (простите, тысячу раз прошу Вас) в глубоком отчаянии, в безвыходном положении и безысходном горе.

Вы знаете своей чуткой душой, что испытываю я после потери своего дорогого мужа, отца моих трех деток. Теперь я одна, одна бреду в жизнь с каменной душой, тяжелой от горя, не изжив его. Нет ни друга, ни хранителя семьи и помощника во всех трудностях.

А жизнь так трудна, так тяжела.

Много я думала о Вас, прежде чем решиться писать Вам. Простите мою смелость. Думала, что у Вас я найду отклик своему горю, своему безвыходному положению.

Еще при жизни моего мужа в июне м<еся>це занята была комната в моей квартире незаконно по ордеру жилищной комиссии сотрудником ГПУ, Эштейном. Занята была с различными угрозами и, несмотря на мои мольбы и плач детей, были из комнаты выкинуты вещи.

Прошло 3½ м<еся>ца.

За это время — неудачные хлопоты, дети без присмотра, без еды, иногда приходилось по пять часов проводить в различных учреждениях, ожидая приема.

И вот я добилась законного протеста прокуратуры и постановления президиума Гор<одского> Совета (протокол 105, приказ 16) об аннулировании ордера, сл<едовательно>, и выселении жильцов. Но жильцы живут, и жилищная комиссия и не думает исполнять предписание.

За стеной песни, смех, картежная игра. Но что всего ужасней — держат детей моих и меня в постоянно страхе. Мы шепотом говорим и запираемся в комнате. Я уже не говорю о том, что все расходы по дому они не несут, все это ложится на меня, что для меня невыносимо. Ведь у нас все конфисковано, дети не одеты на зиму. Даже моя кровать-диван описана.

Екатерина Павловна, много помогаете Вы, много и облегчаете. Таких людей так мало...

У меня большое горе, боль убьет, может быть. Я потеряла все, потеряла отца моих бедных слабеньких деточек, потеряла так ужасно, так страшно...

Но у меня остались дети, мне надо жить для них. Но при этих условиях жить нельзя, нет сил...

Умоляю Вас, Екатерина Павловна, ради моих сироток, сделать что-нибудь, чтобы выселить этих жильцов из квартиры, чтоб можно было дышать и говорить. Так жить нельзя.

Вы так много можете. А я такая бесправная, все мои права нарушены. За что?..

Простите, дорогая Екатерина Павловна и, если Вас это не затруднит, сделайте, прошу Вас.

Я не найду слов для выражения Вам признательности.

Мой адр<ес>: Харьков, Пушкинская <улица>, <дом> 48, кв<артира>
18. Алекс<андра> Дмитр<иеане> Кржижановской.

С глубоким уважением и признательностью.

А. Кржижановская.

Р. С. Лидия Васильевна Головки расскажет подробности»¹.

3 декабря 1929 — приговорена к выселению из паевой квартиры с отсрочкой до 11 апреля 1930. В январе 1930 — обратилась за помощью Е. П. Пешковой.

<12 января 1930>

«Пушкинская 48, д<ом> Омбит,
кв<артира>18. А. Д. Кржижановской

Обращаюсь к Вам, Екатерина Павловна, в большом горе. Прошу Вас от Красного Креста помочь мне и моим трем детям.

У меня имеется паевая квартира (8,95 кв. с.). Это единственный оплот, связывающий нас с нормальной жизнью. Мы лишились всего, кроме этой квартиры.

И вот теперь, постановл<ением> Народного суда (21/XI) и пост<ановлением> Окружного суда (3/XII) 29 г<ода>, нас выселяют, предоставив отсрочку до 11/IV 30 г<ода>.

Я прошу Вас защитить моих детей от предстоящего ужаса, если нас выселят. Нам некуда идти. Где же нам искать приют после того, как выселят из квартиры, на которую имеем какие-то права?

Отчаяние, безысходность, ужас ждет нас. Страшно подумать. Умоляю Вас, — просит Вас мать, доведенная до отчаяния.

Зачем ни в чем неповинных детей обрекают на бесконечные страдания. Они уже достаточно пережили. Невероятные страдания достались на их долю. Период детства, самый хрупкий, омрачен тяжким горем — потерей отца. А что ждет их, когда они лишатся и крова? Что могу им дать я? Я похожа на несчастное, измученное животное, которое без конца бьют. Бьет горе, нужда, голод, лишения. В продолжении двух лет. Ни одного просвета! 2 года!! Арест мужа с конфиск<ацией> части имущества, вселение в квартиру враждебно настроенных людей, которые со врем<ени> вселения и до настоящ<его> дня стараются причинить мне неприятности, не стесняясь ни в каких средствах, стремясь меня выжить. Затем: последствия суда, нечеловеческие страдания, конфискация остального имущества, нужда, поиски работы, лишение избирательных прав. Лишение гражд<анских> прав — карточки хлеб<ные>. Отказ вступить в союз.

Затем: выселение из квартиры по предварительному исполнению... Дети это переживают страшно мучительно. Прячутся как птенчики в осиротелом гнезде.

На протяжении всех этих больших мучений — маленькие домашние: вечное унижение, оскорбление. Ведь меня объявили "вне закона" все живущие в доме по проискам вселившихся, и в результате этого можно представить, что можно делать со мной. По их всемогущим же доносам лишали меня избир<ательных> прав, но я восстановилась...

Нужда, голод, поиски работы, отсутствие из-за нехватки материалов. Я работаю как портниха, т<ак> к<ак> по своей специальности я не могла устроиться. Имея дипл<ом> об оконч<ании> ист<орико>-филол<огического> ф<акультете>та В<ысших> Ж<енских> К<урсов>, я не

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп.1. Д. 291. С. 92-93. Автограф.

попала на биржу труда. Отказали из-за того, что не служила. Теперь же уже 2 года имею патент швеи. Имею квалификацию с 1920 года и ранее практиковалась на своей семье. Ничего, ни одной вещи не давала шить никому за все время своего замужества.

Нужда влечет за собой плохое питание, у детей сильное малокровие, головокружение на почве голода...

Какое страдание видеть детей страдающими! Не довольно ли уже страдания детей? Не довольно ли, что у них нет отца? Довольно детских слез! И я же только женщина, слабая, убитая горем. Где брать силы для борьбы, где искать защиты? Должен же быть какой-то закон, ограждающий ни в чем неповинных людей от бесконечных, никому не нужных страданий...

В нашем Государстве с таким соц<иалистическим> строительством. В Англии суц<ествует> закон о неприкосн<овенности> женщины, матери: "если женщина-мать соверш<ает> преступление, за него она не отвечает, а отвечает ее муж".

Мы не совершали никакого преступления, мы не классовые враги, я работаю для троих детей. И нас нельзя лишать последнего крова.

Без отца и мужа, без хлеба, без крова... Я прошу оставить нас в квартире, на которую мы имеем право, как пайщики. Я могу документально доказать, что паи приобретены на трудовые средства.

И прошу потому, что нам некуда идти, только на улицу.

Я не лишена избирательных прав.

Я член кооператива д<еревни> Омбат, где я сейчас.

Я пайщица этого копер<атива>.

Я работаю как швея — имею патент за 28 год.

Кормлю свою семью (на все имею документы).

Прилагаю решение Окр<ужного> суда. Буду подавать заявление Ген<еральному> прокурору Республики по гор<оду> Харьков, как только поправлюсь, после гриппа имею осложнения на легкие.

Прошу Вас за детей.

Александра Кржижановская»².

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 460. С. 272-273. Автограф.